

УДК 94(47).084.1

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-2-153-173

К ИСТОРИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ОТРЕЧЕНИЕ ЦАРЯ ИЛИ ВОССТАНИЕ МАСС?

В.П. Булдаков

Институт российской истории Российской Академии Наук
Москва, Россия, kuroneko@list.ru

В статье показано, что в 1917 г. царская власть развалилась скорее в силу внутренних неурядиц, нежели была свергнута вооруженным народом. Решающую роль при этом сыграло всеобщее представление о полной недееспособности Николая II. Недовольство слабой властью повлекло за собой стихийный бунт, не встретивший должного сопротивления со стороны властей. Вслед за тем избавление от Романовых вызвало восторг во всех слоях общества.

Ключевые слова: Россия, системный кризис, революция, образы власти, Николай II, психология власти, психология масс

Введение. Легкостью, с которой произошла гибель 300-летней династии, не устаешь поражаться. Император, словно со вздохом облегчения, «сдал» корону неведомо кому. Общественность, со своей стороны, повела себя так, как будто избавилась от какой-то жуткой напасти.

Хотя события, связанные с отречением Николая II, многократно описаны, остается неясным, что предопределило исход события: слабость власти или сила общественного недовольства? Недостаточно изучен и вопрос о том, как реагировали на это событие в различных слоях общества. Все это заметно осложняет понимание природы российской революционности, а следовательно, причин прихода к власти большевиков. В связи с этим стоит более пристально взглянуть в морально-психологическое состояние высшей власти и психосоциальное состояние масс до и после ее падения.

Исследование проблемы. Писатель В.В. Розанов, человек более чем законопослушный, попытался осмыслить вопрос о «виновности» императора. «Царь бывший, может быть, думает с удивлением: “Я был со всеми любезен, чего же от меня хотели?”... Увы, это совсем не то, что нужно, – писал Розанов. – “Любезностей” история не требует». И потому он обвинял Николая II: «“Потеря царства”... самое есть ужасное преступление», особенно, когда оно

«крушится по внутренним причинам, от неумения править, от произвола, от безумных допущенных злоупотреблений...» [1, с. 518].

Вероятно, со временем Розанов изменил свое мнение: «жалость к падшему» сдерживала, ужасы революции затмевали «преступления самодержавия». В сущности, сходным образом настроены многие современные историки.

То, что Николай II тяготился властью, не вызывало сомнений – об этом по своему свидетельствует и галерея его живописных портретов. Конечно, наибольшее впечатление производит работа В. Серова. Здесь мы видим, между прочим, обаятельного, странновато задумчивого человека, вовсе не похожего на «хозяина Земли Русской» (как он представился в анкете Всероссийской переписи 1897 г.). Точно так же его многочисленные парадные портреты далеки от образа повелителя 1/6 земного пространства. Обычно Николай II предстает красивым, даже импозантным, но начисто лишенным *имперской энергетики* «царем». Наиболее откровенно «заземленное» впечатление от него выразил Б. Кустодиев: «ярмарочный» царь словно подклеен к лубочному изображению Кремля. Он вроде бы изоморфен колориту старины, однако его тревожно ослабленная мысль словно отчуждена от действительности.

Интересны воспоминания Кустодиева об общении с императором: «Беседовали по искусству <...> Просветить его не удалось, – сетовал художник, – безнадежен, увы...». Оказалось, что Николай II любит старину, а «все новшества и импрессионизм смешивает с революцией» [Цит. по: 2, с. 148].

Проницательный глаз художника не подвел: Николай II словно не к месту восстал из далекого – соответственно им приукрашиваемого – прошлого. Он не принимал непонятных ему лично инноваций. Этот человек словно замкнулся в своей скорлупе. Он был не просто пассивен, а внутренне *равнодушен* к действительности.

Документы и свидетельства подтверждают, что Николай II тяготился не только текущей работой, но и своей «должностью». Для правителей такое не редкость. Но его предшественники умели пересилить себя: Александр II вошел в историю как царь-реформатор. Дневники его правнука впечатляют совсем другим: он любил помногу гулять и стрелять ворон.

Интересно, что при этом царь старался казаться «военным» человеком. В этом, однако, проглядывало нечто скорее мальчишеское, нежели царское. Историк Б. Никольский, убежденный монархист, а потому остро ощущавший несоответствие царя той маске, которой он пытался прикрыть свою немощь, именовал его уничижительно – «полковник» [См.: 3, с. 196, 220, 232]. Но этот человек интересовался преимущественно *декоративной* стороной армейской жизни.

Интересно, что он требовал, чтобы все члены великокняжеской семьи непременно посвятили себя военной службе. Аргументов относительно склонностей к иному поприщу он не принимал. Царь словно ощущал себя обреченным «на службу» самодержцем. Как бы охраняя свою тягостную прерогати-

ву, он резко реагировал на любую попытку родственников повлиять на дела управления империей.

«Государственный здравый смысл был в нем затемнен эмоциональными комплексами», – считал великий князь Александр Михайлович, отмечая, что «большая часть его поступков была неразрешимой загадкой для каждого, кто не был знаком со всеми обстоятельствами его детства, воспитания и первых лет его царствования»¹. Николай II так и не овладел приемами «царского ремесла», вероятно, считая их излишними для «помазанника Божия» [4, с. 34, 67, 68–69]. «Государь и императрица погрязли в мистицизме, – уверял в 1907 г. С. Ю. Витте, – до сих пор занимаются спиритизмом и применяют даже к суждению о политике какие-то религиозно-мистические методы, веря в чудеса, в Божественное предопределение, в таинственное предназначение тех или иных лиц и имен совершить какие-то дела, основать гармонию душ» [См.: 5, с. 558; 6, с. 113].

В великокняжеском окружении считали, что виной всему психический надлом, определивший судьбу династии. Как известно, император и его младший брат были воспитаны венценосными родителями настолько жестко, что они выросли бесхарактерными существами. Вероятно, сказалась и неожиданная смерть отца, оставившая Николая II наедине с пугающей короной и неожиданностями грядущего XX в. Внутренняя неуверенность соединилась с управленческой неопытностью и отсутствием необходимого образования². Отсюда «странности» поведения: «любезно» провожая министра, царь на следующий день мог подписать указ о его отставке. Определяющей константой поведения императора стало своего рода неуверенное упрямство. Но царь, как подмечали многие, все же «старался». Однако пытаться *быть* самодержцем – безнадежное занятие: любая имитация рано или поздно откроется. Даже самый искусный «имитатор» не способен вести себя как природный «король-чудотворец» [7]. А люди, между прочим, в беспокойные времена особенно склонны ожидать от власти «чуда».

«Надо уметь играть царя, – писал Ф.И. Шаляпин. – ...Шекспировского размаха его роль... Если же природа сделала, меня, царя, человеком маленького роста... я должен найти тон, создать себе атмосферу – именно такую, в которой я, маленький и горбатый, производил бы такое же впечатление, как произвел бы большой и величественный царь». Если это не удалось – провал: «Горит империя» [8, с. 154]. У Николая II исполнение роли царя не заладилось. Это становилось все более заметным. «Нервозность его ужасна» – отмечал Б. Никольский. – ...Ни одного спокойного движения, ни одного спокойного жеста... Глаза, напротив, робкие, кроткие, добрые и жалкие...

¹ Александр Михайлович [Романов], вел. кн. Царская фамилия // Иллюстрированная Россия. 1933. № 3 (401). С. 6.

² Александр Михайлович [Романов], вел. кн. Царская фамилия // Иллюстрированная Россия. 1933. № 3 (401). С. 1; № 7 (407). С. 1.

Портреты совершенно не дают о нем представления... Точно какая-то непосильная ноша на хилого работника и он неуверенно, шатко, тревожно ее несет». К последним словам Никольский было добавил: «точно он сейчас развалится», но, передумав, зачеркнул [3, с. 47] – сказала верноподданническая политкорректность.

Не следовало слишком пристально вглядываться в фигуру императора – это было чревато разочарованием. Но именно это происходило.

От правителя в России всегда ждали слишком многого. А потому бессилие власти вызывало поистине иррациональное смятение [9, с. 53–63]. «Наши сограждане... совершенно растерялись, – писал монархист Л.А. Тихомиров. – В ужасе они не знают, где искать спасения... Теперь же все кругом рассыпается...». Тихомиров преувеличивал – сказывалась обычная пугливость интеллигентного обывателя. Он был прав в другом: «...Когда человека охватывает безумный страх перед жизнью, все его нравственные устои неизбежно расшатываются» [10, с. 112]. И эта социальная тенденция неуклонно подогревалась «странными» поступками императора.

В августе 1915 г. министры *incorpore* высказали свое неодобрение акту смещения царем великого князя Николая Николаевича с поста верховного главнокомандующего [11, с. 9–10], человека популярного в армии именно своей «крутостью». Пыталась отговорить императора от этого шага даже мать, опасавшаяся, что это свяжут с влиянием Распутина¹. Широкой общественности было ясно, что Николай II скомпрометирует на этом посту не только себя, но и самодержавный принцип.

Уже в годы Первой русской революции появилась песня «Царь наш с виду жидок», в основе которой, по мнению специалистов, лежала сатирическая песня декабристов «Царь наш немец прусский» [12, с. 175]. Образу императора, считавшегося человеком военным, такие сравнения особенно вредили. Не случайно после поражений в русско-японской войне некоторые крестьяне стали поносить Николая II площадной бранью. С 1907 г. они все чаще спьяну именовали царя «собакой», «душегубом», «извергом», «живодером», умеющим лишь «кровь нашу пить, да шкуру лупить». Раздавались призывы физически уничтожить не только его, но и «весь царствующий дом», причем это делалось вовсе не под влиянием внешней агитации [См.: 13, с. 185, 187, 190; 14, с. 309–312]. Похоже, люди разуверились в возможности справедливого властвования при Николае II.

Вступление империи в большую войну требовало духовного сплочения народа вокруг самодержца. Николаю II предстояло соответственно «вырасти» в глазах подданных. Между тем в обществе считали, что «ни по своей натуре, ни по характеру, ни по наклонностям, ни даже по внешней манере он совершенно не подходил к той диктаторской роли, которую должен был играть Русский Монарх во время войны» [15, с. 87]. Российский патриотизм, фоку-

¹ Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). М., 2005. С. 89.

сирующийся на фигуре верховного правителя, становился все более зыбким. В десакрализации власти сыграла немалую роль и волна шпиономании, замкнувшейся на фигуре императрицы-«немки» [См.: 16].

До некоторых пор участвовавшие поношения царя носили экспрессивно-ситуационный характер. «Царь дурак, сукин сын», – заявляла, к примеру, в январе 1915 г. орловская крестьянка, обиженная несправедливым распределением пособий для семей мобилизованных¹. Однако количество подобных инвектив грозило перерасти в негативное представление о царе. В июне 1915 г. один солдат писал в Пензенскую губернию: «...А не лучше ли заставить воевать того самого Николашку, чтобы даром наша кровь не пропадала, которую он до сих пор пил...» [Цит. по: 17, с. 416]. Вслед за тем слова о «предательском» и «шпионском» окружении царя стали повторяться во всех слоях общества [18, с. 26].

Николай II боялся негативной информации о состоянии дел в империи. Адмирал Д.Н. Ненюков, удостоившийся аудиенции у царя, сразу же почувствовал, что не может сказать ему всей правды, ибо «это означало бы обвинение целого ряда лиц и притом виновных не в злоумышлении, а вследствие недостатков всей системы управления, от которой страдала Россия». Вместе с тем адмирал был «совершенно очарован... ласковым обращением» императора². Фетишизация власти и личности верховного правителя у известного круга лиц все же сохранялась – сказывалась подспудное влияние традиции.

Однако образ власти докончили антидинастические слухи. Им уже нечего было противопоставить. В 1915 г. С.Д. Сазонов так отвечал на вопросы о Распутине: «...То, что о нем говорят, абсолютная ерунда... Его Государь не переносит и послал бы к чертовой матери, если бы он попробовал вмешаться в политику и военные дела... Нужно бы сослать Распутина и всю эту камарилью на Сахалин. Но никто ничего не делает» [19, с. 128]. Но люди верили слухам, а не отставным министрам. При этом обвиняли и действующих министров, которые «губят вымирающую династию, захватив ее гнилые похоти, слабости, неврастенические порывания и пристрастия» [3, с. 245].

Во второй половине 1916 г. либеральная пресса сумела навязать массовому сознанию нехитрые, а потому доходчивые домыслы: «Распутин назначает министров»; «Государыня – немка и находится в тайной связи с Вильгельмом»; «Войну ведут царица и Распутин, а Николай II делает все, что они ему говорят» [18, с. 15–17; 17, с. 414–416]. Люди образованные недоумевали, в низах злословили на кабацкий манер: «Царь с егорием, а царица с Григорием». Всему этому потворствовали и те, кто окружал престол³. Что до простого народа, то он, вероятно, все больше недоумевал: «Как царь такое похабство у себя в доме терпит?» [28 с. 103–104, 110–111]. Подозрение, что теперь вся-

¹ Государственный архив Орловской области (ГА ОО). Ф. 714. Оп. 1. Д. 1271. Л. 1.

² ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 531. Л. 31.

³ Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы), М., 2005. С. 90.

кий мужик может «иметь» все царство, довершило дело – соответствующие шутки пользовались особой популярностью [21, с. 37]. Справедливы они или нет, уже не имело значения.

Либеральное общество реагировало на происходящее у трона все острее. Осенью 1915 г. историк А.Н. Савин писал в дневнике: «Ведь это дом умалишенных, и этот желтый дом в самую трагическую полосу русской истории управляет страной» [Цит. по: 21, с. 60]. Лидер октябристов А.И. Гучков писал в августе 1916 г. генералу М.В. Алексееву о «слабой, дрянной, слякотной власти» [Цит. по: 23, с. 15]. Иные монархисты характеризовали правительство как «безумное собрание глупых, трусливых, бездарных и ничтожных людей» [3, с. 275]. Список подобных отзывов можно продолжать до бесконечности. Конечно, люди сгущали краски. Тем не менее, в конце октября 1916 г. М.В. Алексеев – формально правая рука императора – заговорил о желании уйти с должности начальника штаба Верховного главнокомандующего. «Ничего нельзя сделать, ничем нельзя помочь делу. Ну что можно сделать с этим ребенком! – говорил он об императоре. – Пляшет над пропастью и... спокоен. Государством же правит безумная женщина, а около нее клубок грязных червей» [24, с. 201]. Не удивительно, что в ноябре 1916 г. лидер кадетов П.Н. Милюков задал с думской трибуны риторический, в сущности, вопрос: «Что это: глупость или измена?».

Некоторые считают, что «знаменитая» речь Милюкова положила начало революции. «Читал речи Милюкова и Шульгина, – писал иркутский журналист. – В этих речах как бы воплотился ужас современной русской жизни» [25, с. 282]. Великий князь Александр Михайлович предупреждал царя: «...Мы являемся свидетелями того, как само правительство поощряет революцию», ибо «никто другой революции не хочет». Он считал, что «грядущая русская революция 1917 года явится прямым продуктом усилий... правительства». Впервые случится невероятное: «Революция будет произведена не снизу, а сверху...»¹.

Великий князь был не вполне прав: оппозиционные настроения элит отнюдь не вызвали адекватной реакции в *массах*. В низах действовали иные – «эмоциональные», а не политические – законы. В народе и без того уже записали Николая II в разряд негодных правителей. Для того, чтобы царь «слиял», важнее было именно это, а не «заговоры» политиков.

Сегодня довольно трудно усвоить, что в феврале 1917 г. монархию практически никто *не свергал*. Николай II даже не пытался цепляться за власть. Он ушел, воображая, что кругом «измена, трусость, обман». Так мог думать «обиженный» человек, тяготившийся навязанной ему ролью, однако пытавшийся «тянуть лямку».

¹ Александр Михайлович [Романов], вел. кн. Царская фамилия // Иллюстрированная Россия. 1933. № 7 (405). С. 5.

Из непонимания этого и вырастают конспирологические теории, порой подверстанные под современную политику [26, с. 474–550; 27]. Убедить простого читателя в достоверности любой «заговорщической» версии нетрудно. Достаточно подобрать некоторые туманные факты, намеки, обмолвки, исходящие от запутавшихся современников, навязать им понятные современнику взаимосвязи, и получится «убедительная» для наивных людей картина. Все это уже было.

Известно, что накануне революции Россия буквально кишела слухами о всевозможных заговорах [28, с. 117–118]. И их по-своему – чаще невольно – использовали уже тогда. После убийства Распутина даже В.И. Ленин (отнюдь не склонный верить в могущество «темных сил») заявил, что Февральская революция – это «результат заговора английского и французского посольств», поддержанного Гучковым, Милюковым и генералитетом, «чтобы не дать Николаю II заключить сепаратный мир» [29, с. 16]. А потому не стоит гадать, чьи домыслы столетней давности возьмут на вооружение «конспирологи» – к реальной истории это не имеет никакого отношения.

Соблазн «рациональных» объяснений в историографии (не говоря уже о массовом историческом сознании) настолько велик, что ему поддаются даже серьезные авторы [30]. Центральной фигурой, конечно, оказывается А.И. Гучков, имевший обширные связи и с генералами, и с промышленниками [31, с. 104, 105, 109, 110, 182, 183, 186, 193, 196, 201]. Между тем сам он после Февраля от подобной чести отказывался: «Этот переворот – был подготовлен не теми, кто его сделал, а теми, против которых он был направлен. Заговорщиками были не мы, русское общество и русский народ, заговорщиками были представители самой власти» [28, с. 118]. Человек склонен «проговариваться» в экстремальных обстоятельствах. Не случайно этот весьма импульсивный человек в начале августа 1917 г. сообщил следственной комиссии Временного правительства нечто иное: к концу 1916 г. якобы уже был разработан план государственного переворота¹. Что же помешало в свое время Гучкову: только ли неожиданная болезнь? А может, все ограничилось привычными для того времени разговорами то ли о заговоре, то ли о перевороте? Конечно, в эмиграции Гучков постарался напустить туману на свои былые замыслы и деяния². Причины этого можно понять. Но стоило ли из мутной информации, поставляемой мемуаристами в порядке самоутверждения, выстраивать картину того, чего не могло быть? Настоящие заговорщики действуют, а не болтают. Но этого никак не понять «просветителям» параноидального склада.

Всякий человек склонен – имплицитно и даже эксплицитно – навязывать событиям былых лет логику современности. И чем «непрозрачнее» прошлое, тем заметнее соблазн сделать «открытие». Разумеется, лучше всего это уда-

¹ Падение царского режима. Т. 6. М.; Л., 1926. С. 277, 279.

² См.: Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993.

ется людям, не отягощенным профессиональной подготовкой, или шарлатанам, рассчитывающим на «простака». В данном случае их работа облегчается тем, что элитам, вознесенным к власти в феврале – марте 1917 г., необходимо было подчеркнуть свою «решающую» роль в событиях и продемонстрировать «единение» с народом. К реальной истории с ее сложными нелинейными взаимозависимостями все это никакого отношения не имеет.

Чем объясняется склонность к подобному мифотворчеству, которой не избежал даже «позитивист» П. Н. Милюков, открывший на старости лет «масонскую» тему? Дело в том, что практически вся современная историография русской революции по-прежнему исходит из парадигмы эпохи Просвещения. События 1917 г. в России представляется продолжением буржуазных революций прошлого. Но почему бы не вспомнить об эндогенном происхождении кризисного ритма российской истории [32]?

Известно, что ни одну проблему нельзя решить на том уровне, на котором она возникла. В наше время стоило бы усвоить, что история вовсе не носит одномерного линейно-поступательного характера. Она скорее *циклична*, что связано с относительной неизменности свойств человеческой природы (о чем, кстати, писал еще Фукидид). И тяготение к «бесполезной» повторяемости связано со степенью втянутости в разрушение старого «непросвещенных» масс, мыслящих образами утраченного прошлого.

Прежде всего, следовало бы разобраться, что представляла собой «николаевская» Россия, который суждено было столько «неожиданно» развалиться в феврале 1917 г.? И почему нечто подобное повторилось, между прочим, в 1991 г.?

Российскую империю, последним императором которой суждено было стать «несчастному» Николаю II, можно представить как сложноорганизованную – *устойчиво неравновесную* – систему авторитарно-патерналистского типа. Это означает, что ее исторический баланс задавался главным образом *самодержавной* властью. Такая система вовсе не столь однозначно застойна, хотя в целом она настроена на *самосохранение*, если угодно, но «самоодернизацию», но никак на инновационность. В принципе такая система способна на мощные мобилизационные усилия, особенно при условии, что по каналам обратной связи народ оперативно откликнется на всеобщую опасность. Система может обеспечить *псевдомодернизационный* рывок, инициируемый высшей властью при эффективно работающем «приказном» аппарате. Даже в условиях растущей бюрократизации системы возможен спонтанный экономический и модернизационный рост, если социальная среда достаточно пассионарна, а предпринимательская инициатива не слишком скована запретами. Однако в целом система все же тяготеет *застойному* существованию, что делает ее уязвимой перед внезапными вызовами извне.

В России слишком многое связано с личностью правителя. Николай II был поистине роковым человеком, оказавшимся в роковых обстоятельствах – не только российских, но и мировых. Невиданный демографический взрыв,

спонтанные миграционные процессы и неупорядоченная урбанизация, нарушение гендерного равновесия, глубинный рост ресентиментной напряженности, всплески антиправительственного терроризма – все это в условиях невиданной информационной революции закономерно привело к мировой войне. В России к этому добавилось катастрофичное аграрное перенаселение в центре страны, обернувшееся начавшейся еще в 1902 г. крестьянской революцией, апофеоз которой пришелся на 1905–1906 гг.¹ [33; 34, с. 10, 15, 17, 177]. От иллюзий «соборного» существования не осталось и следа.

Очевидно, что в таких условиях власть должна была работать на опережение вызовов времени, то есть взять на себя планирование масштабных инноваций и раскрепощения творческих сил народа. Николай II поступал с точностью до наоборот. Он ориентировался на привычный «застой», для иного у него не находилось ни умственных, ни духовных сил, ни волевых качеств. Все делалось для сдерживания недоумевающих элит и нетерпеливого народа. В сущности, император отвернулся от реальных проблем России. «Батюшка-царь» жил прошлым, пассивно уповая на «волю Божью». Он внутренне готов был к отречению от власти, что и обусловило столь успешный «переворот».

Система была давно «разбалансирована», действовал механизм неуклонно вызревавшего системного кризиса [35, с. 75–105; 36]. Так называемая интеллектуальная революция была лишь видимой и потому наиболее заметной его частью [36, с. 33, 43]. Фактически империя оказалась во власти так называемого экстраординарного роста малых возмущений. Симптомы соответствующего «бунташного» развития событий обнаружились уже в годы Первой мировой войны [28, с. 52–54, 69–70; 34, с. 296–300]. Слабеющее «самодержавие» могло погубить все, что угодно, – отсюда и обилие ожидания «заговоров», «дворцовых переворотов», «народных революций». Экстремальные события «переворачивают» и без того возбужденное народное сознание: неслучайно уже в 1915 г. «феминизированный» тип волнений распространился на всю империю [38, с. 92]. Вместе с тем великие события, не предусмотренные историческим опытом, парализуют когнитивные возможности даже профессиональных историков [39; 40]. Остается надеяться на редкие «подсказки» немногих догадливых современников.

«Революции не было, – писал в дневнике московский литературовед Н.М. Мендельсон, – самодержавие никто не свергал. А было вот что: огромный организм, сверхчеловек, именуемый Россией, заболел каким-то сверхсифилисом. Отгнила голова – говорят: “Мы свергли самодержавие!” Вранье: отгнила голова и отвалилась» [Цит. по: 41, с. 503]. «Все сооружение рассыпалось, – отмечал архитектор А. Щусев в письме художнику А. Бенуа, – как-то даже без облака пыли и очень быстро» [42, с. 68]. Самодержавие рухнуло в результате «саморазложения» – прежде всего морального. Даже Ленин удивлялся: «Царская монархия развалилась в несколько дней» [29, с. 11].

¹ См.: Крестьянская революция в России. 1902–1922. М., 1994.

«Русь слиняла в два дня, – изумлялся В.В. Розанов. – Самое большее – в три» [43, с. 6–7]. Увы, современникам было чему поражаться.

Между прочим, всякая точная дата революции – всего лишь символ, связанный с *воображаемой* точкой бифуркации. Подлинная революция разворачивается вслед за ней. Для России было характерно, что мартовское отречение царя, трансформировавшееся в массовом сознании в победоносный «переворот», было лишь видимым фасадом подлинной народной революции. Увы, внешняя сторона явления всегда впечатляет больше – отсюда и нежелание проникнуть в суть происходящего.

Словно в насмешку над саморазвалившейся властью Николаю II было позволено вернуться в Ставку после отречения. К его уходу была внутренне готова буквально вся Россия. Даже бывшие приближенные сторонились монарха. Великий князь Кирилл Владимирович заявил газетчикам: «Мой дворник и я – одинаково видели, что со старым правительством Россия потеряет все и в тылу, и на фронте. Не видела этого только царствовавшая семья»¹. Похоже, он считал, что предать «предателя России» – дело святое.

Впрочем, старая власть вызывала достаточно широкий спектр эмоций. Офицеры и генералы были довольны отречением – это избавляло их от присяги императору. Тем, кто служил царю с показной преданностью, приходилось непросто. Генерал А.Е. Снесарев записывал в дневнике: «Брусилов угождает всюю... Жена говорит, что он всегда был “социал-демократом”». А на фронте Брусилов лебезил перед Керенским и размахивал красным флагом [44, с. 354, 422, 435, 438]. Потеря привычных властных ориентиров повлекла за собой появление всевозможных перевертышей. О генерале А.А. Цурикове, командующем 6-й армией, писали, что он «оказался вдруг величайшим революционером... и не щадил слов в обличении старого режима»². Супруга помощника челябинского полицмейстера 14 марта уведомила М.В. Родзянко, что она и муж «радовались новому строю», однако удивлялась: почему-то теперь ему не выдают жалования. «Чем виноваты мы, что раньше существовало правительство во главе с царем?... – недоумевала она. – Мы будем честно и преданно служить новому правительству...» [45, с. 180].

В канцелярии Керенского скопилась масса писем великих князей, клявшихся в верности министру юстиции и даже обещавших выделить любую сумму на сооружение памятника замученных царизмом декабристам. Идея монархии, считал А. Бенуа, «целиком *выдохлась, опустошилась*». «Приближенные царские давно уже, как карамельку, иссосали царя и оставили народу только бумажку», – писал М. Пришвин [См.: 46, 275–276; 47, с. 80]. Отсюда и легкость, с которой народ воспринял исчезновение 300-летней династии.

Атмосфера первых дней после победы Февральской революции запечатлелась в истории всеобщим ликованием, всепрощенчеством и митинговой

¹ Киевская мысль. 1917. 10 марта.

² ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 534. Л. 52.

стихий. От монархического наследия отказывались повсеместно. Произошедшее восприняли как чудо. Нежданную свободу боготворили, в адрес царской семьи полился поток грязи.

«Все происшедшее меня радует, – писал А. Блок. – Произошло то, чего еще никто оценить не может, ибо таких масштабов история еще не знала» [Цит. по: 48, с. 387]. Известный футурист В. Каменский уже 5 марта в Новочеркасске читал стихи о Стеньке Разине, которые вызывали взрывы восторга [49, с. 60–61]. Художник И. Репин, некогда создавший монументальное полотно «Заседание Государственного совета», ликовал: «...Какое счастье нам выпало в жизни. Все еще не верится. Какое счастье...». Другой известный художник Е. Лансере ощущал нечто подобное: «...Поразительно хорошо и радостно на душе». А К. Петров-Водкин видел такие перспективы: «...Чудесная жизнь ожидает нашу родину и неузнаваемо хорош станет народ – хозяин земли русской» [Цит. по: 50, с. 9–10]. И. Грабарь 27 марта писал брату: «Уж если когда-нибудь что-нибудь можно будет сделать, то только теперь и только в России. Просто живешь точно во сне и переживаешь одну сказку за другой... Теперь живется так радостно и хочется так много сделать, что голова кружится...» [51, с. 319].

А один немолодой крестьянин сочинил такие бесхитростные строки: «В этот год у нас случился на Руси переворот / Рухнул-пал самодержавный строй Романова-царя, / Занялась святой свободы долгожданная заря» [53, с. 497]. Возникло ощущение «красного чуда»: «Красные флаги, красные банты, / Красные песни, красные речи... / Красные люди, красное дело / Дружно свершили. Пал Безобразник (Николай II – В.Б.)». Люди словно состязались в поношении царя [36, с. 603–604]. Увы, царь, действительно, «пал» в глазах населения – прежде всего морально – задолго до февраля 1917 г.

Но ожидаемая революция не приходит никогда – отсюда робкие скептические ноты. Л. Андреев представлял ситуацию по-своему. «Родзянки во весь бабий голос тоскуют о царе..., – отмечал он 2 марта. – И их мечта, неосуществимая, как все мечты идиотов: подчистив, вернуть Николая и сделать простенькое министерство из родзянок и милюковых. Для этого было землетрясение! И даже чтобы Николай прошел с красным флагом, они согласны. Ходят же жандармы с красными флагами» [54, с. 30].

Тем временем в Петрограде «сжигали “всю птицу” – романовские гербы». Некоторые возражали: «Сжигая всю птицу, мы отрекаемся от всей России» [55, с. 99]. Их не слушали. Затем «знаковая революция» спустилась на бытовом уровне: матросы, а затем и солдаты стали избавляться от погон – символов «службы царю» [См.: 56, с. 18–33].

Революционная эйфория дошла до деревни. Кое-где под пение «Марсельезы» сносили памятники Александру II – «царю-освободителю», деду Николая II [57, с. 134–135]. На одном из волостных сходов в Уфимской губернии известие об отречении царя было встречено с «великой радостью и неописуемым восторгом» [58, 53]. А в Московской губернии решили вместо памятника

Александру II поставить памятник Льву Толстому [59, с. 442]. Толпам нужны были новые кумиры – инерция авторитаризма и патернализма в России получила революционное преломление.

Русская православная церковь почти единодушно отвернулась от своего формального главы. 4 марта члены Синода приветствовали вынос из зала заседаний царского кресла. Лишь отдельные архиереи высказались против «бунтарей»¹. Заметнее были другие. Епископ Енисейский Никон забросал Временное правительство поздравительными телеграммами, а 12 марта вступил в кадетскую партию. При этом он заявил: «В то время, когда наши герои проливали свою драгоценную кровь за Отечество... Ирод упивался вином, а Иродиада бесновалась со своим Распутиным, Протопоповым и другими пресмыкателями и блудниками»².

Епископ Уфимский Андрей (Ухтомский) в проповеди утверждал, что «кончилась тяжкая, грешная эпоха в жизни нашего народа». Теперь «наступили дни чистой народной жизни, свободного народного труда; зажглась яркая звезда русского народного счастья...». А поскольку «самодержец погиб и погиб безвозвратно», то пусть «Царь небесный царствует над нами» [Цит. по: 58, с. 47]. Архиепископ Таврический Дмитрий 5 мая провозгласил: «Ныне Сам Царь небесный занял Престол Русского Царства, дабы Он Единый Всесильный был верным помощником нашим в постигшей нас великой скорби, в бедствиях, нагнанных на нас нашими бывшими руководителями государственной жизни нашей» [Цит. по: 60, с. 17].

Впрочем, некоторые солдаты недоумевали, зачем царю надо было отречься от престола: «Ну выгнал бы старых министров, Государыню, а сам бы остался». «Вот до чего привыкли видеть над собой власть, без которой, они думают, им будет хуже, – так комментировал их настроение прапорщик, отмечая, что большинство солдат было «довольно произошедшим переворотом»³. И все же возникало сомнение: «Но как без царя?» [44, с. 360]. Впрочем, со временем даже старушки, которые оплакивали царя, начинали с увлечением ходить на митинги⁴.

Все образованное общество и ранее пренебрежительно относилось к личности Николая II, а иные крестьяне «по пьяному делу» не стеснялись поносить его и царскую семью [61, с. 103–104]. Историк Б. Никольский, монархист, член Союза русского народа, еще до революции в своем дневнике на-

¹ Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) / Сост., автор предисловия и комментариев М. А. Бабкин. М., 2006. С. 293.

² Енисейская церковная нива. 1917. 31 марта.

³ «Смелым Бог владеет»: наступление Юго-Западного фронта 1916 г. глазами нижнего чина Е.В. Тумиловича // Первая мировая: взгляд из окопа / Предисл., сост. и коммент. К.А. Пахалюка. М.; СПб., 2014. С. 212.

⁴ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 483. Л. 2.

зывавший императора уничижительно – «полковник», на расправу над нимотреагировал хладнокровно: «Вот убили царя – ну и все: царство небесное, – давно ждали» [3, 420]. Правда, это случилось уже в 1918 г., когда «бывшие», истощенные голодом, впали в общественное безразличие. «Щупленького офицера (Николая II – В.Б.) не жаль, конечно, ...он давно был с мертвечинкой», – так откликнулась на расстрел царя в своем дневнике З. Гиппиус [62, с. 110]. И даже в крестьянстве – наиболее консервативном слое – плакальщиков по царю не было заметно. Теперь судьба Романовых мало кого интересовала, они казались частью навсегда ушедшей эпохи.

Конечно, немощный правитель – громадное несчастье для любой страны в кризисные времена. Особенно если он пытается действовать по заветам сильного самодержца. И единственной панацеей против безвольных глупцов и льстивых царедворцев остается общественная самодеятельность. Разумеется, если она направляется не упертыми политическими доктринарами, порожденным общественной несвободой.

Возможно, для понимания «непрозрачности» русской революции в нашем столь же «непрозрачном» мире [62, с. 11, 18] требуется «другая организация разума и желаний, о которых мы можем пока мечтать» [63, с. 294]. Маркс видел в революции локомотив прогресса. В это верил и Ленин [См.: 65]. Сегодня уместнее считать, что революция – это своего рода тормоз для безрассудных модернизаций, не считающихся с «несовершенством» человеческой природы.

Выводы. Исследование психосоциальной ситуации в феврале – марте 1917 г. убеждает, что самодержавие было не столько свергнуто восставшим народом, сколько развалилось в силу внутренней недееспособности. Фактически народ лишь «добивал» обессилевшую власть. Из этого следует, что бунтарский потенциал масс еще не проявил себя в полной мере. В связи с этим последующие попытки либеральных и правосоциалистических политиков втиснуть революционный процесс в рамки формальной демократии выглядят заведомо неудачными.

© Булдаков В.П., 2017

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5881. Государственный архив Орловской области (ГА ОО). Ф. 714.

Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). М., 2005.

Енисейская церковная нива. 1917. 31 марта.

Иллюстрированная Россия. 1933. № 3 (401). С. 1; № 7 (407).

Киевская мысль. 1917. 10 марта.

Крестьянская революция в России. 1902–1922. М., 1994.

Падение царского режима. Т. 6. М.; Л., 1926.

Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) / Сост., автор предисловия и комментариев М.А. Бабкин. М., 2006.

«Смелым Бог владеет»: наступление Юго-Западного фронта 1916 г. глазами нижнего чина Е.В. Тумиловича // Первая мировая: взгляд из окопа / Предисл., сост. и коммент. К.А. Пахалюка. М.; СПб., 2014.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Розанов В.В.* В чаду войны. Статьи и очерки. 1916–1918 гг. М., 2008.
- [2] *Докучаева В.Н.* Борис Кустодиев. Жизнь в творчестве. М., 1991.
- [3] *Никольский Б.В.* Дневник. 1896–1918. Т. 2. СПб., 2015.
- [4] *Гурко В.И.* Царь и царица. Париж, 1927.
- [5] *Витте С.Ю.* Избранные воспоминания. 1949–1911 гг. М., 1991.
- [6] *Толстой И.И.* Дневник. 1906–1916. СПб., 1997.
- [7] *Блок М.* Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998.
- [8] *Шалыпин Ф.И.* Маска и душа: Мои сорок лет на театрах. М., 1990. С. 154.
- [9] *Булдаков В.П.* Революция как проблема российской истории // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 53–61.
- [10] *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика // Апология Веры и Монархии. М., 1999. С. 111–121.
- [11] *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* Российская государственность и Первая мировая война // Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 7–37.
- [12] *Полищук Н.С.* Отражение самосознания рабочих в их песенном репертуаре // Российский пролетариат: Облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 164–180.
- [13] *Буховец О.Г.* Ментальность и социальное поведение крестьян // Менталитет и аграрное развитие России. М., 1996.
- [14] *Буховец О.Г.* Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996.
- [15] *Кригер-Войновский Э.Б.* Записки инженера: Воспоминания, впечатления, мысли о революции // *Спроге В.Э.* Записки инженера. М., 1999. С. 7–129.
- [16] *Фулер У.* Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. М., 2009.
- [17] *Сухова О.А.* Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008.
- [18] *Figes O., Kolonitskii B.* Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. New Haven and London, 1999.
- [19] *Волков-Муромцев Н.В.* Юность: От Вязьмы до Феодосии (1902–1920). М., 1997.
- [20] *Веселый А.* Россия, кровью умытая. М., 1990.
- [21] *Далин В.М.* А.Н. Савин: Nil admirari (Дневник историка) // Исторические этюды о Французской революции: Памяти В. М. Далина (к 95-летию со дня рождения). М., 1998. С. 31–69.
- [22] *Иоффе Г.З.* Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987.

- [23] Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. М., 1996.
- [24] Серебренников И.И. Претерпев судьбы удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008.
- [25] Никонов В.А. Крушение России. 1917. М., 2011.
- [26] Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и на революцию. 1907–1917. М., 2003.
- [27] Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010.
- [28] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1981. Т. 31.
- [29] Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. М., 1996.
- [30] Козодой В.И. Александр Иванович Гучков и Великая русская революция. Новосибирск, 2015.
- [31] Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М., 2005.
- [32] Данилов В.П. Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть. М.; Тамбов, 1996. С. 4–23.
- [33] Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М., 2015.
- [34] Булдаков В.П. Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. М., 2007.
- [35] Маслов Б. Эволюционизм как проблема революционного сознания // Русская интеллектуальная революция 1910–1930-х годов. М., 2016. С. 29–43.
- [36] Булдаков В.П. Российские смуты и кризисы: востребованность социальной и правовой антропологии // Россия и современный мир. 2001. № 2(31). С. 31–46.
- [37] Безгин В. Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. М., 2017. С. 92.
- [38] Булдаков В.П. Революция и гражданская война как травма исторической памяти // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2007. № 26 (54). С. 98–115.
- [39] Булдаков В.П. Революция и историческая память: Российские параметры клиотравматизма // Россия и современный мир. 2008. № 2 (59). С. 5–27.
- [40] Руга В., Кокорев А. Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны. М.; Владимир, 2011.
- [41] Лапшин В.П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М., 1983.
- [42] Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. Сергиев Посад. 1917. № 1. С. 6–7.
- [43] Снесарев А.Е. Дневник: 1916–1917. М., 2014.
- [44] Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.
- [45] Бенуа А.Н. Мой дневник. 1916–1917–1918. М., 2003.
- [46] Пришвин М.М. Дневники 1914–1917. М., 1991.
- [47] Мочульский К.В. Александр Блок. Париж, 1948.
- [48] Крусанов А.В. Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор). В 3 т. Т. 2. Кн. 2. М., 2003.
- [49] Чегодаева М.А. России черный год. М., 1991.
- [50] Грабарь И. Письма. 1891–1917. М., 1974.
- [51] Грабарь И. Письма. 1917–1941. М., 1974.
- [52] Кругов Г.Ф. Горькая доля, или Песня о моей жизни от рождения до 45 лет // Первая мировая война в устном и письменном творчестве русского крестьянства. Новые материалы Пушкинского дома. СПб., 2014. С. 348–508.

- [53] *Андреев Л.Н. S.O.S.: Дневник (1914–1919). Письма (1917–1919). Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918–1919).* М.; СПб.: Atheneum-Феникс, 1994.
- [54] *Клерже Г.И. Революция и Гражданская война. Личные воспоминания.* Новосибирск, 2012.
- [55] *Колоницкий Б.И. Погоны и борьба за власть в 1917 году.* СПб., 2001.
- [56] *Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года.* СПб., 2001.
- [57] *Мордвицев Г.В. Весна 1917 года в Башкирии (хроника событий).* Уфа, 2010.
- [58] *Белюсов С.В., Сухова О.А., Юдин С.О. Пензенская губерния в эпоху Первой мировой войны.* Пенза, 2015.
- [59] Цит. по: *Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей: Из истории гражданской войны в Крыму.* Симферополь, 1997.
- [60] *Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны.* М., 2010.
- [61] *Гиппиус З. «Черные тетради» // Звенья. Вып. 2. С. 20–173.*
- [62] *Жижек С. 13 опытов о Ленине.* М., 2003.
- [63] *Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций.* М., 2008.
- [64] *Булдаков В.П. Феномен российской революции: между мифом и реальностью // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2005. № 4. С. 24–33.*

История статьи:

Поступила в редакцию: 2 февраля 2017 г.

Принята к печати: 24 марта 2017 г.

Об авторе:

Булдаков Владимир Прохорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Российской истории Российской Академии Наук; Адрес организации: 117036, Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.

**HISTORY OF RUSSIAN REVOLUTION:
ABDICATION OF TSAR OR REVOLT OF THE MASES?**

Vladimir P. Buldakov

Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, kuroneko@list.ru

The article shows that in 1917 it was the internal turmoil due to which the tsarist regime collapsed so fast. The crucial role was played by the common idea of the complete incapacity of Nicholas II. The image of the weak power was reinforced by all sorts of rumours about Rasputin's influence on the government decision-making, his intimate relations with the Empress, and finally, the actions of the authorities in "the interests of Germany." On the eve of

the revolution Russia was rife with rumors of plots against the royal family. This meant that the public opinion was ready for the violent overthrow of the existing government. The dissatisfaction with the hateful government led to a spontaneous revolt, which met no serious resistance from the authorities. The disposal of the Romanovs aroused delight in the society. At the same time, the masses demanded the immediate deliverance from all the burdens of wartime. It could not provide new power. Everywhere crowds destroyed “tsarist” emblems and other attributes of the old power. Even the Russian Orthodox Church almost unanimously turned away from its formal chief. However, very soon it became clear that the political culture of the elites was at odds with the social aspirations of the people. The masses were increasingly called for the immediate solution to all vital problems – particularly to stop the war and immediately resolve the agrarian question.

The study of the psychosocial situation in February – March 1917 assures that the monarchy was not so much overthrown by the insurgent people, but collapsed due to the internal incapacity. In fact, people only made the final blow to the exhausted authorities. Hence, the rebellious potential of the masses didn’t manifest itself in full. In this regard, the subsequent attempts of the liberal and right-wing politicians to squeeze the revolutionary process into the framework of formal democracy obviously failed.

Keywords: Russia, system crisis, revolution, images of power, Nicholas II, psychology of power, mass psychology

REFERENCES

- [1] Rozanov VV. *V chadu voiny. Stat'i i ocherki. 1916–1918 gg* [In fume of war. Articles and essays 1916–1918]. Moscow; 2008 (in Russian).
- [2] Dokuchaeva VN. *Boris Kustodiev. Zhizn' v tvorchestve* [Boris Kustodiev. Life in creation]. Moscow; 1991 (in Russian).
- [3] Nikol'skii BV. *Dnevnik. 1896–1918* [Diary. 1896–1918]. St-Petersburg, 2015; 2 (in Russian).
- [4] Gurko VI. *Tsar' i tsaritsa* [Tsar and tsaritsa]. Paris; 1927 (in Russian).
- [5] Vitte SYu. *Izbrannye vospominaniya. 1949–1911 gg.* [Selected memories. 1949–1911]. Moscow; 1991 (in Russian).
- [6] Tolstoi II. *Dnevnik. 1906–1916* [Diary]. St-Petersburg, 1997 (in Russian).
- [7] Blok M. *Koroli-chudotvortsy. Ocherk predstavlenii o sverkh"estestvennom kharaktere korolevskoi vlasti, rasprostranennykh preimushchestvenno vo Frantsii i v Anglii* [The magic-working kings or The royal touch: sacred monarchy and scrofula in England and France]. Moscow; 1998 (in Russian).
- [8] Shalyapin FI. *Maska i dusha: Moi sorok let na teatrah* [Mask and soul: My forty years in theaters]. Moscow, 1990 (in Russian).
- [9] Buldakov VP. *Revolyutsiya kak problema rossiiskoi istorii* [Revolution as a problem of Russian history]. *Voprosy filosofii* [Philosophical questions]. 2009; (1): 53–61 (in Russian).
- [10] Tikhomirov LA. *Khristianstvo i politika* [Christianity and politics]. *Apologiya Very i Monarkhii* [The apology of faith and monarchy]. Moscow; 1999 (in Russian).
- [11] Ganelin RSh., Florinskii MF. *Rossiiskaya gosudarstvennost' i Pervaya mirovaya voina* [Russian statehood and the First World War]. *Fevral'skaya revolyutsiya: ot novykh is-*

- tochnikov k novomu osmysleniyu* [The February Revolution: from new sources to new comprehension]. Moscow; 1998 (in Russian).
- [12] Polishchuk NS. Otrazhenie samosoznaniya rabochikh v ikh pesennom repertuare [Reflection of workers' self-awareness in their song repertoire]. *Rossiiskii proletariat: Oblik, bor'ba, gegemoniya* [Russian proletariat: Image, struggle, hegemony]. Moscow; 1970 (in Russian).
- [13] Bukhovets OG. Mental'nost' i sotsial'noe povedenie krest'yan [Mentality and social behavior of peasant]. *Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii* [Russian mental and agrarian development]. Moscow; 1996 (in Russian).
- [14] Bukhovets OG. *Sotsial'nye konflikty i krest'yanskaya mental'nost' v Rossiiskoi imperii nachala XX veka: novye materialy, metody, rezul'taty* [Social conflicts and peasant mentality in Russian Empire at the beginning of 20th century]. Moscow; 1996 (in Russian).
- [15] Kriger-Voinovskii EB. Zapiski inzhenera: Vospominaniya, vpechatleniya, mysli o revolyutsii [Engineer's memoirs: memories, impressions, thought about revolution]. Sproge VE. *Zapiski inzhenera* [Engineer's memoirs]. Moscow; 1999 (in Russian).
- [16] Fuller U. *Vnutrennii vrag: Shpionmaniya i zakat imperatorskoi Rossii* [The inner enemy: spymania and sunset of Russian Empire]. Moscow; 2009 (in Russian).
- [17] Sukhova OA. *Desyat' mifov krest'yanskogo soznaniya. Ocherki istorii sotsial'noi psikhologii i mentaliteta russkogo krest'yanstva (konets XIX – nachalo XX v.) po materialam Srednego Povolzh'ya* [Ten myths of peasant consciousness. Historical essays of social psychology and Russian peasant mentality]. Moscow; 2008 (in Russian).
- [18] Figes O., Kolonitskii B. *Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917*. New Haven and London; 1999.
- [19] Volkov-Muromtsev NV. *Yunost': Ot Vyaz'my do Feodosii. (1902–1920)* [The youth: from Vyazma to Feodosia]. Moscow; 1997 (in Russian).
- [20] Stankevich VB. Vospominaniya 1914–1919 gg. [Memories 1914–1919]. *Lomonosov Yu. V. Vospominaniya o martovskoi revolyutsii 1917 goda* [Memories about the March Revolution of 1917]. Moscow; 1994 (in Russian).
- [21] Veselyi A. *Rossiya, krov'yu umytaya* [Russian, washed with the blood]. Moscow; 1990 (in Russian).
- [22] Dalin VM. A.N. Savin: Nil admirari (Dnevnik istorika) [Nil admirari (historian's diary)]. *Istoricheskie etyudy o Frantsuzskoi revolyutsii: Pamyati V. M. Dalina (k 95-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Historical essays of French Revolution: tribute to V.M. Dalin (95th anniversary)]. Moscow; 1998 (in Russian).
- [23] Ioffe GZ. *Velikii Oktyabr' i epilog tsarizma* [The Great October and Tsarism epilogue]. Moscow; 1987 (in Russian).
- [24] Shavel'skii G. *Vospominaniya poslednego protopresvitera russkoi armii i flota* [Memoirs of the last protopresbyter of the Russian army and navy]. Moscow; 1996: 2 (in Russian).
- [25] Serebrennikov II. *Preterpev sud'by udary. Dnevnik 1914–1918 gg.* [Having suffered destinies. Diary 1914–1918]. Irkutsk, 2008 (in Russian).
- [26] Nikonov VA. *Krushenie Rossii. 1917.* [Russian collapse]. Moscow; 2011 (in Russian).
- [27] Airapetov OR. *Generaly, liberaly i predprinimateli: Rabota na front i na revolyutsiyu. 1907–1917* [Generals, liberalists and businessmen: work on the front and on the revolution 1907–1917]. Moscow; 2003 (in Russian).

- [28] Buldakov VP. *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [The Russian Troubles of the Early 20th Century as a Community Revolution]. Moscow; 2010 (in Russian).
- [29] Lenin VI. *Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings]. Moscow: Politizdat. 1981. T. 31 (in Russian).
- [30] Senin AS. *Aleksandr Ivanovich Guchkov* [Alexander Ivanovich Guchkov]. Moscow; 1996 (in Russian).
- [31] Kozodoi VI. *Aleksandr Ivanovich Guchkov i Velikaya russkaya revolyutsiya* [Alexander Ivanovich Guchkov and the Great Russian Revolution]. Novosibirsk; 2015 (in Russian).
- [32] Akhiezer A., Klyamkin I., Yakovenko I. *Istoriya Rossii: konets ili novoe nachalo?* [Russian history: the end or a new beginning?]. Moscow; 2005 (in Russian).
- [33] Danilov VP. *Krest'yanskaya revolyutsiya v Rossii. 1902–1922 gg.* [The peasant revolution in Russia 1902–1922]. *Krest'yane i vlast'* [The peasants and the power]. Moscow, Tambov, 1996 (in Russian).
- [34] Buldakov VP., Leont'eva TG. *Voina, porodivshaya revolyutsiyu* [The war, which created the revolution]. Moscow; 2015 (in Russian).
- [35] Buldakov VP. *Quo vadis? Krizisy v Rossii: puti pereosmysleniya* [Quo vadis? Crises in Russian: Ways of rethinking]. Moscow; 2007 (in Russian).
- [36] Maslov B. *Evolyutsionizm kak problema revolyutsionnogo soznaniya* [Evolutionism as a problem of revolutionary consciousness]. *Russkaya intellektual'naya revolyutsiya 1910–1930-kh godov* [Russian intellectual revolution]. Moscow; 2016 (in Russian).
- [37] Buldakov V.P. *Rossiiskie smuty i krizisy: vostrebovanost' sotsial'noi i pravovoi antropologii* [Russian times of troubles: The relevance of social and legal anthropology]. *Rossiya i sovremenniy mir* [Russia and the modern world]. 2001; (2): 31–46 (in Russian).
- [38] Bezgin V. *Povsednevnyi mir russkoi krest'yanki perioda pozdnei imperii* [The everyday life of the Russian peasant woman of the late empire]. Moscow; 2017 (in Russian).
- [39] Buldakov VP. *Revolyutsiya i grazhdanskaya voina kak travma istoricheskoi pamyati* [The Revolution and the Civil War as an injury of historical memory]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. [Herald of Tver State University. History] 2007; (26): 5–27 (in Russian).
- [40] Buldakov VP. *Revolyutsiya i istoricheskaya pamyat': Rossiiskie parametry kliotravmatizma* [The Revolution and historical memory: Russian options of cliotraumatism]. *Rossiya i sovremenniy mir*. [Russia and the modern world]. 2008; (2): 98–115 (in Russian).
- [41] Ruga V., Kokorev A. *Povsednevnyaya zhizn' Moskvy. Ocherki gorodskogo byta v period Pervoi mirovoi voiny* [Moscow everyday life. Essays of city life during the First World War]. Moscow, Vladimir, 2011 (in Russian).
- [42] Lapshin VP. *Khudozhestvennaya zhizn' Moskvy i Petrograda v 1917 godu* [Artistic life of Moscow and Petrograd in 1917]. Moscow; 1983 (in Russian).
- [43] Rozanov VV. *Apokalipsis nashego vremeni* [Apocalypse of our time]. *Sergiev Posad*. 1917; (1): 1–11 (in Russian).
- [44] Snesev AE. *Dnevnik: 1916–1917* [Diary: 1916–1917]. Moscow; 2014 (in Russian).
- [45] Narskii IV. *Zhizn' v katastrofe. Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg.* [Life in disaster. Everyday life of Ural inhabitants in 1917–1922]. Moscow; 2001 (in Russian).

- [46] Benua AN. *Moi dnevniki. 1916–1917–1918* [My diary]. Moscow; 2003 (in Russian).
- [47] Prishvin MM. *Dnevnik 1914–1917* [Diaries]. Moscow; 1991 (in Russian).
- [48] Mochul'skii KV. *Aleksandr Blok*. Paris, 1948 (in Russian).
- [49] Krusanov AV. *Russkii avangard: 1907–1932 (Istoricheskii obzor)* [Russian avant-garde: 1907–1932 (Historical review)] In 3 volumes. Moscow; 2003: 2 (in Russian).
- [50] Chegodaeva M. A. *Rossii chernyi god* [Russian black year]. Moscow; 1991. S. 9–10.
- [51] Grabar' I. *Pis'ma. 1891–1917* [Letters]. Moscow; 1974 (in Russian).
- [52] Grabar' I. *Pis'ma. 1917–1941* [Letters]. Moscow; 1974 (in Russian).
- [53] Krugov GF. Gor'kaya dolya ili Pesnya o moei zhizni ot rozhdeniya do 45 let [Rough luck or song of my life since the birth until 45 years-old]. *Pervaya mirovaya voyna v ustnom i pis'mennom tvorchestve russkogo krest'yanstva. Novye materialy Pushkinskogo doma* [The First World War in oral and written creation of Russian peasants. New facts of Puskin House]. St-Petersburg, 2014 (in Russian).
- [54] Andreev LN. *S.O.S.: Dnevnik (1914–1919). Pis'ma (1917–1919). Stat'i i interv'yu (1919). Vospominaniya sovremennikov (1918–1919)* [Diary (1914–1917). Letters (1917–1919). Articles and interview (1919). Memoirs of contemporaries (1918–1919)]. Moscow, St-Petersburg: Atheneum-Feniks, 1994 (in Russian).
- [55] Klerzhe GI. *Revolutsiya i Grazhdanskaya voyna. Lichnye vospominaniya* [Revolution and the Civil War. Wild memories]. Novosibirsk, 2012 (in Russian).
- [56] Kolonitskii BI. *Pogony i bor'ba za vlast' v 1917 godu* [Epaulets and fight for the power in 1917]. St-Petersburg; 2001 (in Russian).
- [57] Kolonitskii BI. *Simvoly vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniyu politicheskoi kul'tury rossiskoi revolyutsii 1917 goda* [The symbols of power and fight for power: To the study of the Russian revolution 1917]. St-Petersburg; 2001 (in Russian).
- [58] Mordvintsev GV. *Vesna 1917 goda v Bashkirii (khronika sobytii)* [The spring of 1917 in Bashkiriya]. Ufa; 2010 (in Russian).
- [59] Belousov SV., Sukhova OA., Yudin SO. *Penzenskaya guberniya v epokhu Pervoi mirovoi voiny* [Penza Province at the age of The First World War]. Penza; 2015 (in Russian).
- [60] Zarubin AG., Zarubin VG. *Bez pobeditelei: Iz istorii grazhdanskoi voiny v Krymu* [Without winners: From the history of the civil war in Crimea]. Simferopol'; 1997 (in Russian).
- [61] Kolonitskii BI. *«Tragicheskaya erotika»: Obrazy imperatorskoi sem'i v gody Pervoi mirovoi voiny* [Tragic erotica: Images of the imperial family at the age of The First World War]. Moscow; 2010 (in Russian).
- [62] Gippius Z. «Chernye tetradi» [Black notebooks]. *Zven'ya*. [Elements]. Vyp. 2 (in Russian).
- [63] Zhizhek S. *13 opytov o Lenine* [13 experiments about Lenin]. Moscow; 2003 (in Russian).
- [64] Khabermas Yu. *Filosofskii diskurs o moderne. Dvenadtsat' lektsii* [Philosophical discourse about Modern. 12 lessons]. Moscow; 2008 (in Russian).
- [65] Buldakov VP. Fenomen rossiiskoi revolyutsii: mezhdumifom i real'nost'yu [Phenomenon of Russian Revolution: between myth and reality]. *RUDN Journal of Russian History*. 2005; (4): 24–33 (in Russian).

Article history:

Submitted: 2 February 2017

Revised: 7 March 2017

Accepted: 24 March 2017

About the author:

Vladimir P. Buldakov, Dr. of History, Senior Researcher at Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences; Postal address of the organization: 19, Dm. Uliyanova Str., Moscow, 117036, Russia.